

хотя они в известные исторические периоды оказывались на «востоке» именно благодаря России. Все это в целом касается всей так называемой Восточной Европы и тех территорий, которые ныне именуются Центральной Европой.

Когда после распада Советского Союза запретили говорить о «Восточной Европе» или, по крайней мере, о вхождении Польши и других стран, ранее являвшихся членами Варшавского блока, в эту область, политическое значение этого переворота превосходило чисто политический уровень и охватывало также культурную или даже метакультурную сферу. Если прежние «народные демократии» не являются сейчас частью «Восточной Европы», то это означает, что они по своему духу более часть не «Востока», а Запада. И это происходит только потому, что они сами хотят быть иными, чем «Восток», где добровольно, кажется, остается только Россия. Граница между Востоком и Западом — теперь восточная граница бывших восточно-европейских стран, т. е. граница между ними и Россией.

Мы были плохими шведами

Пропасть между Востоком и Западом была глубокой уже в Средневековье, это ощущалось и на Севере Европы. Нам это известно, но что касается истинного состояния дела, то мы способны только строить предположения в той степени, в какой мы можем понять дух эпохи. Этот период не может осмыслиться в понятиях политической корректности, уровня жизни и разницы в уровне жизни, или прав человека, или даже блага и счастья. Очевидно, что в жизни разных групп людей разные дела играли важную роль, но религия, Бог и церковь у всех стояли на первом месте. Богохульники, правда, всегда сидели на своих скамьях, но без Бога не было ни жизни, ни смерти.

О сущности средневековой границы между Россией и Швецией есть специальные исследования, которые свидетельствуют о заглушающей все дело нормальной практике в этой сфере. Впрочем, ясно одно: жившие по другую сторону границы люди, с точки зрения современников, были осуждены на геенну огненную, тогда как путь на небеса в принципе был уготован только жившим по эту сторону границы. Церкви проклинали друг друга, остававшиеся вне церкви утрачивали надежду на спасение. *Extra ecclesiam nulla spes salutis*¹. Против этого протестовать было тщетно.

¹ Вне Церкви нет надежды на спасение.

Здесь едва ли следует повторять повествования о том, как враг по ту сторону границы нападал, грабя и опустошая земли. Те, кого не убивали, становились рабами и нередко продавались на далеких невольничьих рынках Востока. Определенно, гены саволакцев и карел можно и в наши дни обнаружить повсюду, от стран Магриба до Центральной Азии, где процветала работоторговля, но это не тема нашей книги.

В горьких пограничных войнах шведы, которые в то гибельное время были нашими предками, мстили точно таким же образом, когда не были настоящими инициаторами. Аналогия со спором о том, что было в начале — курица или яйцо, пожалуй, не применима к тому времени. Тотальное разорение Олонца в нашей истории блистает как особое достижение финнов. Сожжение монастыря в Печенге и убийство его монахов в рождественскую ночь стало позже преподноситься как акт настолько достойный восхищения, что детская организация Аграрного союза взяла себе имя вождя этого похода.

В гербе Карелии не напрасно присутствуют восточный и западный мечи. «Таковы дела в Финляндии», — констатирует Мессениус Юханнес¹, описывая в своей хронике этот герб. Мессениус писал именно о «Финляндии», которая стремилась быть достойной частью шведского государства. Т. е., несмотря на то, что от метрополии нередко в награду за труды получали пренебрежение и упреки, как это имело место после периода Великого Лихолетия.

Можно утверждать, что этот виток обоюдного разорения и порабощения населения не завершился с периодом Средневековья, а продлился до XVIII столетия. Кустаа Х. Вилкуна в своей книге описал тот террор, который русские, особенно казаки, в период Великого лихолетья осуществляли в отношении незащитного гражданского населения. Алексей Шкваров, известный исследователь шведско-российских отношений, а также казачества, сравнивал казаков со всадниками Апокалипсиса. В обычае казаков было нападение с криками и воплями в ночное время на своих ничего не подозревающих жертв. Они убивали и грабили без жалости, т. к. это было их промыслом, а на самом деле «призванием», для которого они были рождены. У казаков всегда были с собой мешки и запасные кони для перевозки добычи. Российские власти использовали казаков прежде всего для осуществления тактики выжженной земли, но этим занимались и другие части. И это всегда происходило по приказу, как замечает Шкваров.

¹Юханнес Мессениус (1579–1636) — шведский историк, профессор.

В любом случае нам легко представить, насколько «теплыми» были отношения между нашими шведами и убивающими и грабящими нас русскими. Российский историк Михаил Михайлович Бородкин еще более столетия тому назад считал, что финны со своей стороны были отчасти виновны в разорении во время Великой Северной войны: они укрывали в своих деревнях партизан, делая это добровольно или по принуждению. Тезис, бесспорно, убедительный, но то же самое могли бы сказать и немцы, объясняя, почему на Украине и в Белоруссии во время Второй мировой войны уничтожались целые села, а их жителей убивали. Плохое дело защищать не следует, хотя причины его и можно попытаться понять.

Чтобы образ русских не оказался односторонне излишне негативным, следует напомнить, что российские военачальники во время Великой Северной войны неоднократно запрещали насилие в отношении гражданского населения, поскольку оно должно было выполнять свои повинности. Петр Великий в Эстонии даже собственноручно казнил одного солдата, который был обвинен в подобном. Наместник Финляндии князь Голицын, которого называли «финским богом», был известен своей справедливостью, и высказывания о нем финнов в период Великого лихолетья всегда были хвалебными. В этом отношении недавно ставшие символом националистического мрака 1930-е гг. не были исключением.

Но каковым вообще представлялся русский человек в те минувшие столетия, когда он не появлялся с мечом и факелом в руке, чтобы жечь и убивать? Ощущалась ли между Востоком и Западом та культурная граница, которая не определялась только религией или была независимой от нее?

Та обильная информация, которую доставляли посещавшие Московское царство иностранцы с Запада, подтверждает, что именно таким было положение дел, даже в еще большей степени. Так, английские, как и немецкие и итальянские путешественники, начиная с XVI столетия пространно повествовали об особенностях Московского царства, которые всем чужестранцам представлялись экзотикой. Исследовавший эту тему Кари Таркиайнен¹ подчеркивал, что, например, приписываемая русским и союзным с ними татaram и калмыкам необычайная жестокость объяснима политической целью, обусловленной борьбой за Балтию в XVI в. Жестокость и коварство на всем протяжении истории являются повторяющи-

¹ См., например: De ryska nationalegenskaperna enligt svensk uppfattning i början av 1600-talet (1973).

мися темами, разумеется, имевшими практическую значимость в условиях войны и вражды.

Жестокости только этим объяснить невозможно. Иван Грозный действительно был патологическим садистом, злодеяния которого на территории Балтии порицал великий, патриотически настроенный российский историк Карамзин. Свидетельства жестокости можно найти и в иные времена. Что касается коварства, то немецкий историк Габриеле Шейдеггер полагает, что дело заключается в религиозных различиях. Во всяком случае, осуждение на муки адские людей, заключивших с *немцами* (выделено автором) соглашения, нельзя в данном случае считать весомыми свидетельствами. Ведь у подчиненных интересам божьего народа положений равноправного договора с врагами Креста была совершенно нехристианская основа. Параллели легко найти в тоталитарном мышлении.

Однако все это тем или иным образом, но связано с верой. Это же следует сказать о тех представлениях, которые связаны со скверной немцев. В те времена у людей, кажется, не было никакой особой склонности проводить границу между религиозной и нерелигиозной сферой жизни. Едва ли кто-то решился бы сказать, что о скверне немцев ничего не упоминается в Библии или в церковном предании. «Домострой», знаменитая русская рукопись XVI в. о ведении домашнего хозяйства, объясняет как варку пива, потчевание гостей, наказание женщин и слуг, так и другие каждодневные дела и христианские нормы и поступки без какого-либо различия между святым и профанным.

Пьянство русских нельзя как-то особо связывать с их верой. Во всяком случае, это подчеркивается почти во всех описаниях и, кажется, представляется просто противоположностью западной воспитанности и сдержанности. Иногда утверждается также, что женщины в России часто напивались, хотя «Домострой» это строго запрещал. Правда, в России теория и практика часто не совпадают. Причиной, пожалуй, можно считать то, что грубыми обычаями русских считались именно с точки зрения высших классов западного общества. Путешественники принадлежали именно к ним. Изысканность обычаев на Западе научились ценить во времена Ренессанса, и тем отличались от варваров, но определенно было бы заблуждением поставить едущих в Москву или в Новгород наблюдать различия между Востоком и Западом где-нибудь в сельской местности на шведско-русской границе.

Хорошие качества русских зачастую не оспариваются. Как отмечал в своей книге Кари Таркиайнен, швед Петрус Петреус

в опубликованной им в 1615 г. работе описывал русских как щеголей, а русских женщин как удивительно красивых. Ум русских не подвергался сомнению, они лукавые, умные, умелые, а помимо прочего — превосходные игроки в шахматы. Досадной стороной было то, что способности использовались не должным образом. Среди плохих качеств русских часто упоминалась лень.

Применяемые в отношении русских клише в равной степени повторялись из столетия в столетие, так что сила их доказательности не вызывает особых сомнений. Все же бремя доказательства иного остается за сомневающимся. Эти описания не являются объективными, что следует подчеркнуть, а, напротив, свидетельствуют об известном, свойственном наблюдателям способе осмысливать виденное. То есть, как это виделось с Запада.

Финн, т. е. швед в то время Ларс Юхан Мальм, возведенный в дворянство под именем Эренмальм, во время Великой Северной войны написал достойную похвалы работу о России и русских. Кари Таркиайнен в своей книге комментирует это, представляющее большой интерес для нашей темы, сочинение. В книге Мальма повторяются очень многие, имевшие хождение уже пару столетий клише — от упоминаний о лени и пьянстве русских до свидетельств их лживости и проявлений жестокости. Одной значительной и также в других сообщениях упоминающейся чертой русских являлось спесивое отношение к Западу, о котором, впрочем, ничего не знали. Теперь, т. е. во времена Петра Великого, ситуация, по наблюдениям Мальма, изменилась. Новые русские брили бороды и одевались как европейцы. Они владели иностранными языками и даже усвоили изящные манеры. Мальм сомневался, однако, что эти перемены действительно глубоки и длительны, и полагал, что страна вернется к прежнему после смерти Петра Великого. Швеции, впрочем, это только лишь пошло бы на пользу.

Мальм считал, как показывает Таркиайнен, что «обоюдную вражду» между русскими и иностранцами вызывали «совершенно особенные обычаи русских, их особая вера и странные церемонии, речь и одеяния».

Иностранцы в свое время были в России изолированными и заклеятыми как безбожники, но теперь все изменилось, считал Мальм, который тем самым взваливал основную часть вины за прежнюю обособленность на русских. Сам он, однако, сомневался в наличии у России настоящих возможностей для европеизации и предлагал Швеции продолжать войну, хотя и понимал, что преимущество противника в силах было преобладающим.

Труд Петра Великого, конечно, не был напрасным, хотя российские западники позже стонали, что он остался незавершенным. Ставшая великой державой Россия интегрировала в империю и Прибалтику, которая ранее была захвачена Швецией, а также часть собственно Швеции, т. е. часть Финляндии. Тем самым Россия, по меньшей мере, наполовину стала европейской, что не могло не отразиться на ситуации по обе стороны восточной границы Швеции. Ведь за восточной границей был теперь Выборг, уже не говоря о многочисленных говорящих по-фински приходах, получавших своих пасторов из Абоского университета.

Финны называли себя нередко «добрыми людьми Швеции», в их отношении к государству не было места упреку. По ту сторону Ботники копили золото и честь, финны могли довольствоваться только крохами. Хотя Финляндия отнюдь не была колонией, а равноправной частью государства, в этом мире кто-то всегда менее равноценен. Так как торговля шла через Стокгольм и по ту сторону залива были более тучные земли и более оплачиваемые должности, Финляндия, особенно Восточная Финляндия, оставалась глушью, которая не очень-то бралась в расчет до начала XVIII века. Препятствием к настоящему равноправию Финляндии со Швецией являлся язык. С точки зрения жителей Швеции на побережье говорили на языке, с трудом поддающемся пониманию, а чем дальше на восток, тем более язык становился невыносимой тарабарщиной. Над говорившими по-шведски финнами насмехались из-за их языка, как вспоминал Спренгпортен, но говорившие по-фински были уже на краю цивилизованного мира. В XVII в. финнов хотели заставить стать шведами, но судьба Сконе их миновала, пожалуй, благодаря тому, что народ в XVIII в. уже не стоило раздражать, поскольку речь шла об его лояльности. В начале XVIII века в этом отношении стали уже заметны признаки беспокойства. Известным примером является, разумеется, деятельность Г.М. Спренгпортена. Российскую границу теперь можно было перейти.

Оставшиеся на несправедливой стороне границы

Озеро Киткярви в Куусамо знаменито своей мелкой ряпушкой, которая чувствует себя хорошо только у финских берегов, хотя ей было бы легко подплыть к стоку на российской стороне. За этот упорный патриотизм ряпушка получила прозвище «киткярвеский мудрец».